

A romantic couple, a man and a woman, are shown in a close embrace, nearly kissing. They are standing in front of a large window that offers a view of a city skyline at sunset or sunrise. The man is wearing a light blue dress shirt and a dark tie, and the woman is wearing a light blue sleeveless dress. The lighting is warm and golden, creating a romantic atmosphere.

ОЛЬГА АРУНД

ИЗМЕНА
ПРОИГРАТЬ ЛЮБОВЬ

Самсоновы

Ольга Арунд

Измена. Проиграть любовь

«Автор»

2022

Арунд О.

Измена. Проиграть любовь / О. Арунд — «Автор»,
2022 — (Самсоновы)

Предавший муж, открывший глаза поклонник и участливый сосед. Кира не собирается выбирать, ведь теперь единственный мужчина в её жизни — сын, но время расставит всё по своим местам. Тем более, что у судьбы на неё свои планы. Цикл "Самсоновы", книга 1

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Арунд

Измена. Проиграть любовь

Глава 1

Поворот, коридор, ещё один. Университет насчитывает не меньше десяти корпусов, не считая корта, бассейна, спортзала и общежитий, а топографический кретинизм мешает хотя бы примерно запомнить их расположение. Обычно проблема с опозданиями решается улыбкой и извинением, но не сегодня. Ещё и Сашка задержал, а если не успеть к Глебову, не то что с первой пересдачи, а даже с третьей сдать математику не удастся.

Рывком открытая дверь и аудитория с чужой группой и чужим преподавателем. Финиш.
– Извините, – самое время паниковать.

Пара началась, я в другом конце не того здания, а Глебов обещал четвертовать за ещё одно, даже секундное, опоздание.

– Кира! – Хоффман стоит рядом.

Высокий, тёмноволосый, не намного старше меня и с такими знаниями, что наши преподаватели на него чуть ли не молятся. Серьёзный, ответственный и обеспеченный. Настолько, что старается это не столько скрыть, сколько не выпячивать, но мне хорошо известно что за лейбл на всех его футболках. А стоимость самых обычных на вид часов на металлическом браслете измеряется в тысячах и далеко не рублей.

– Ты не успеешь.

– Я в курсе, Хоффман, – его опека откровенно бесит.

И не только меня. Количество желающих заграбастать Гришу Хоффмана в меркантильные ручки с идеальным маникюром растёт с каждым месяцем в геометрической прогрессии и не спасает даже вечерка. Стоит ему появиться в учебном корпусе и семнадцать девчонок нашей группы готовы растаять восковыми лужами у его ног. И это не считая преподавательниц, секретарей и заведующих кафедрами, сосчитать которые не сможет даже ректор.

Увы, принципиального различия между пятью минутами опоздания и прогулом всей пары в отношении меня у Глебова не существует. Осознание заставляет обречённо выдохнуть и я сажусь на ступеньку красивой мраморной лестницы, по которой только начала спускаться.

Идея получить высшее образование забрела в мою голову прошлой весной и следующие два месяца в ход шли все доступные способы, чтобы убедить Кирилла. Начиная с интернет-сёрфинга и заканчивая бурными ночами в общей постели. В начале июля он согласился, и у меня оставалось лишь несколько дней на сдачу экзаменов и сбор документов. Невозможно. Немыслимо. Но мне удалось! И отчислиться в конце первого курса я не собираюсь даже из-за особой нелюбви преподавателя!

И это не только моё мнение. Стоит Глебову поднять на меня взгляд и голубые глаза становятся холодней шельфовых ледников. Притом, что звание худшего математика в группе принадлежит далеко не мне, и та же Малика, например, сдаёт её исключительно из-за врождённого умения списывать.

Несмотря ни на что университет стал моей отдушиной, но сейчас наваливается запоздалое чувство вины. Перед моим уходом Сашка начал капризничать и нам с Александрой Борисовной пришлось в четыре руки отрывать его от меня, и даже час спустя в моих ушах всё ещё стоит его горестный плач.

– Кир, брось! – Хоффман садится рядом, касаясь бедром моего бедра. – Глебов – нормальный мужик! Сдашь, если не с первого раза, то со второго точно! – сдать-то сдам, но для

этого мне предстоит неделю, а то и две посвятить исключительно высшей математике. Вряд ли Сашка с Кириллом придут от этого в восторг!

– Ты-то что здесь делаешь? – хмыкнув, я поворачиваюсь к нему. – Тебя он с радостью примет даже за пять минут до конца пары!

Хоффман догнал меня перед самой аудиторией, одним своим появлением заставив порадоваться, что я, наконец-то, не ошиблась корпусом.

– Составляю тебе компанию, – он копирует мою позу.

– Так просто? – его глаза слишком близко.

Настолько, что впервые за девять месяцев до меня доходит, что они у него разного цвета – один зелёный, другой голубой. Красиво. Действительно красиво, и в копилку Хоффмана с предупреждающим звоном падает ещё один плюс. Моргнув, я сбрасываю наваждение. С чего вдруг меня интересуют чужие глаза?!

– Ты же знаешь, что нет, – а он приближается, широкая ладонь зарывается в распущенные волосы, взгляд касается полуоткрытых губ.

– Охренел?! – исключительно моя вина! Отталкиваю, вскакиваю, но Хоффман не делает больше попытки приблизиться, поднимаясь следом. Опасный прищур, снисходительная усмешка, руки в карманах – вот и всё, что остаётся от всеобщего любимчика. – Я замужем!

– Я в курсе, – мы стоим друг напротив друга, и если мой взгляд не обещает ему ничего хорошего, то его излучает истинно мужское самодовольство. – А ещё я знаю кто и почему подсунул тебе не то расписание.

– Знаешь, но не скажешь? – случайный почти поцелуй, моё практически согласие и резкое возвращение в реальность. Сомневаюсь, что последнее заставит Хоффмана раскрыть свои секреты.

– Почему же, – он забрасывает сумку на плечо, но на этом не успокаивается. Ещё на шаг ближе, моя у него в руках, и он бережно вешает сумку мне на плечо под моим острым немигающим взглядом. Опять слишком близко. – Ты же умная девочка, Кира! Подумай сама почему тебя так ненавидит Меркулова.

– Это твоя вина! – секундное замешательство и обвинение, которое заставляет его обернуться на последней ступени лестницы.

Меркулова – староста, а одноклассники недолюбливают меня лишь по одной причине.

– Уверена? – под взглядом Хоффмана легко почувствовать себя идиоткой. – Люблю поплавать в бассейне, – совершенно не в тему сообщает он, засунув руки в карманы, – и Олимпиец был моим фаворитом, пока не закрылся на реконструкцию.

Впервые с начала года Хоффману удаётся сбить меня с толку.

Глава 2

– Мама! – Сашка безошибочно чувствует мой приход. Распахнув дверь, я приседаю на корточки и ловлю в объятия своего любимого мальчика. – Ты плишла совсем?

– Совсем, мой хороший, – Александра Борисовна выглядывает из кухни, с улыбкой кивает мне и возвращается к готовке. Судя по ароматам, у нас сегодня запечённое мясо с овощами.

Огромное зеркало в ванной отражает нас с сыном. Светловолосых, светлоглазых, со вздёрнутыми носами и ямочками на щеках. Ангельская внешность, идеально подходящая ему, и полностью противоположная мне. Каждый раз при взгляде на Сашку я ищу хоть что-то от Кирилла и не нахожу. Мой сын – моя совершенная копия.

Усадив его рядом с раковиной, я мою руки и слушаю его лепет. О том, как они с няней рисовали розового слона с крыльями, как в мультике. О колобке, которого в версии Александры Борисовны лиса не смогла съесть. И о накормленном супом зайце, помытом и высушенном феном.

– Как ваша учёба, Кира? Успели? – стоит нам зайти в кухню и Александра Борисовна с умиленной улыбкой оборачивается, но салат сам по себе не приготовится и она возвращается к плите.

– Всё хорошо, почти не опоздала, – с Сашкой на руках сажусь за стол и беру дольку яблока.

– Мама плишла совсем! – сообщает он няне.

– Чудесно! – все овощи в большом салатнике и она забирает сына с моих колен. – Пойдём-ка поищем нашего крылатого слона, а мама пока переоденется! – подмигнув, она несёт Сашку в детскую.

У меня не меньше получаса.

Светлая спальня впервые кажется мне пустой и холодной даже несмотря на по-летнему яркое солнце. Чёртов Хоффман со своими тайнами! Именно из-за него вместо томного наслаждения водой меня ждёт быстрый контрастный душ. Любимое домашнее платье и я занимаю кресло за столом, подогнув под себя ногу, и всё это – под аккомпанемент тревожных ударов набата в голове. Ноутбук прямо передо мной и впервые за восемь лет я собираюсь сделать то, за что обычно презираю всех книжных и киношных героинь.

Локатор – очень удобная функция. Бойтесь за ребёнка-школьника? Семейный доступ решит все проблемы, отслеживая любое его перемещение даже с включенным телефоном. И не только его.

– Мама, смотли какой слон! – резко захлопываю крышку ноутбука, подхватываю сына на руки и сажу к себе на колени. – Мы его нашли!

– Вот это слон! – медленные, неповоротливые мысли не мешают рассматривать большую голубо-розовую кляксу с красиво прорисованными крыльями. До того, как устроиться няней, Александра Борисовна работала в музыкальной школе, учила детей рисовать. – Какой огромный!

– И с клыльями! – восторженно ёрзает Сашка.

– Точно! – беру его за руку и мы идём искать Александру Борисовну.

– Маме понлавился слон! С клыльями! – самодовольно заявляет Сашка, залезая на стул.

Для него уже накрыт ужин из овощей, куриного филе и компота в любимой кружке с котами из мультика.

– Конечно понравился! – она ловко, одним движением, закрепляет нагрудник и всовывает ему вилку в правую руку. – Такое чудо не может не понравиться! Ешь.

– Александра Борисовна, вы можете остаться на ночь? – негромко спрашиваю у неё, пока Сашка увлечённо гоняет по тарелке запечённую морковь.

– Извините, Кира, сегодня не могу, – искренне расстраивается она, – но если вам ещё куда-то нужно, я посижу с Сашей до вашего прихода.

– Спасибо!

Местоположение Кирилла – на другом конце города от того самого Олимпийца, и мне понадобилось двадцать секунд, чтобы убедиться в правоте Хоффмана – бассейн действительно ремонтируют. С февраля.

Но мне удаётся выкинуть мысли о Кирилле из головы и вечер проходит замечательно. Мы троём играем, рисуем и даже купаемся в четыре руки. И Сашка счастлив, ведь чаще всего с ним или я, или Александра Борисовна и почти никогда мы вместе. Потому что она подменяет меня в дни учёбы и в редкие отлучки, а остальное время мы отлично справляемся вдвоём. Читаю Сашке сказку тоже я, целую его на ночь и иду переодеваться.

– Не торопитесь, Кира, – кажется, что-то всё же отражается у меня на лице. Да и привычка уходить из дома на ночь не в моём характере.

– Я постараюсь побыстрее, – на ответную улыбку сил уже не хватает.

Я запрещаю себе думать пока жду лифт, спускаюсь в паркинг и иду к машине, но противное предчувствие плевать хочет на мои запреты.

Чёртов Хоффман!

С силой бью ладонями по рулю и пугаю сигналом возвращающуюся домой пожилую парочку. Каждому лет по семьдесят, но это не мешает им трогательно держаться за руки. Взмах рукой в качестве извинения и отчётливое понимание, что вряд ли удостоюсь такой верности.

Верность вообще понятие растяжимое. Кирилл стал моим первым и единственным мужчиной. Мы поженились через полгода после знакомства и за всё это время мне ни разу не пришлось в голову обратить внимание на другого. Изменить мужу? Зачем? В нашем браке меня устраивало всё, и даже то, что временами мы ругались, сталкивались лоб в лоб. Но даже моей наивности не хватает, чтобы предположить будто Кирилл совершенно случайно оказался в простенькой гостинице на окраине города.

С парковки выруливаю решительно и с этим же настроением проезжаю через центр, останавливаясь перед обшарпанным невысоким крыльцом с говорящим названием «Надежда».

– Добрый вечер, – за стойкой симпатичный молодой парнишка. – Хотите снять номер?

– Здравствуйте, – даже сейчас мне не сойти за обманутую жертву, хотя в этот раз всё так и есть, – помогите мне, пожалуйста, – смотрю на бейдж и добавляю, – Андрей.

– Конечно, что случилось? – он – сама любезность, и я перегибаюсь через стойку, отвлекая его внимание на более приземлённые вещи. Пока ещё слишком неопытный и застенчивый взгляд всё же опускается к низкому вырезу футболки.

– Видите ли, мой молодой человек сказал, что уезжает за город, а его машина на вашей стоянке, – отпускаю на мгновение глаза, чтобы уже с робкой надеждой взглянуть на парня. – Помогите, Андрей! – выдавить слезу у меня не вышло бы при всём желании. – Я ведь с ума сойду, если не выясню!

– Но...

– Пожалуйста! – трагический шёпот на грани слышимости и он сдаётся.

– Имя, – негромко спрашивает Андрей, косясь на мои всё ещё самые несчастные глаза.

– Кирилл, – нервно прикусив губу, отвечаю ему, – тридцать три года, высокий, тёмноволосый, спортивный. На подбородке шрам размером с монету.

– Кирилл Самсонов, – то есть он ещё и номер на свою фамилию снял?! Настолько во мне уверен или считает полной идиоткой? – триста шестой номер.

– Люкс?

– Нет, – и Андрей кладёт передо мной ключи, заставив потерять дар речи – такого участия я не ожидала. Как и того, что в ответ на мой благодарный взгляд он накроет мою ладонь своей. – Он не стоит слёз такой женщины! – смущение всегда удавалось мне легко – я краснею на раз, и лишь у лифта на губах появляется злая усмешка. Олимпиец, значит?! Спасибо, Господи, что даже восемь лет назад у меня хватило ума подстраховать и себя, будущее наших предполагаемых детей!

Коридор третьего этажа полностью соответствует фасаду гостиницы – когда-то бежевые, а сейчас заметно выцветшие обои, холл с огромными кашпо и продавленными диванами, абстракции в рамках на стене. Не плохо и не хорошо. И это Кирилл! Который придирается даже к люксовым номерам пятизвёздочных отелей!

Дверь триста шестого номера ничем не отличается от других, но открывается бесшумно, без единого скрипа. Предбанник метр на полтора с зеркалом, отразившим блондинку с жёстким выражением ярких синих глаз, и стоны, в трактовке которых не ошибся бы и дурак.

Лизу я узнаю сразу. Не мешают ни томно-прикрытые глаза, ни комкающие дешёвую простынь ладони, и я прислоняюсь плечом к косяку, ожидая развязки. Кирилл трудится вовсю и сейчас его не беспокоят ни падение акций, ни набирающие обороты конкуренты. Мускулистая спина покрыта каплями пота, руки напряжены до предела, а протяжное: «Да-а!», гарантирует скорую кульминацию.

Меркулова, кстати, неубедительно симулирует, но Кириллу сейчас явно не до этого. Последнее: «Ли-иза!», он дёргается и падает на неё, а вместо стонов слышно лишь прерывистое дыхание обоих любовников. Можно уже и обозначить своё присутствие, но против воли я засмотрелась на его спину, действительно красивую, с не до конца зажившими следами ногтей. Моих.

Чёртов Хоффман! Хотя завтра я скажу ему спасибо. Может быть.

Сколько их было до и сколько после? Даже знать не хочу, но гадливое чувство никуда не делось, ощущаясь привкусом желчи на языке.

– Привет, – Меркулова судорожно дёргается, испуганно смотрит на меня паскудными карими глазами, а Кирилл застывает, не спеша поворачиваться.

– К-кира?! – заикающийся шёпот, родом с подмостков третьесортного театра.

– Заткнись, – она бесила меня и раньше, но сейчас вовсе воспринималась исключительно как дешёвая подстилка, не дороже застиранной простыни – уже не единственной свидетельницы супружеской измены.

В полной тишине Кирилл поднимается, натягивает трусы и только после этого поворачивается. Раскаяние? Стыд? Вряд ли это про того, кто в первую очередь ценит собственный комфорт.

– Кто?

– Тебя больше ничего не интересует?

Кир и Кира. Мы раним друг друга взглядами, словно обоюдоострыми кинжалами, и попадаем, оставляя в душах кровоточащие порезы. Когда-то я любила его до одури. Когда-то он пошёл ради меня на многое. Сейчас я не чувствую ничего.

Подбросив на ладони ключи от номера, я разворачиваюсь и выхожу.

– У вас... – Андрей осекается, когда я бросаю на стойку громко брякнувший ключ с пластиковым номером.

Дома меня ждёт сын.

Глава 3

– Кира, это вы? – шёпотом спрашивает Александра Борисовна и выходит в коридор. Её не смущает прекрасная звукоизоляция квартиры – опасаясь побеспокоить Сашку, вечером она всегда говорит еле слышно.

– Я, Александра Борисовна, – тёмный коридор скрывает выражение моего лица, – спасибо вам! Вызвать такси?

– Не нужно, – она отмахивается и я уступаю ей место у двери, – пока спускаюсь машина как раз подъедет. Завтра мне подъезжать к десяти?

– К девяти, если можете, – прошу её, прикинув, что до пар как раз успею заехать к Михаилу Германовичу.

– Хорошо, Кира, доброй ночи!

Хлопок закрывшейся двери становится отправной точкой моего безумия.

«Виски, Кола, королева танцпола!»*

Ред Лейбл для Кирилла слишком банален и дома водится лишь для меня. Как и Кола. Коктейль обжигает горло – обычно виски в нём далеко не полбокала. Прихватив бутылки, я падаю в кресло на балконе и устало откидываю голову на спинку.

Самоуничжаться? Глупо. Прощать ради мифического счастья ребёнка? Ещё глупее. И вся такая умная я делаю следующий глоток, а по щекам катятся первые горячие слёзы. Горькие, с привкусом предательства и лжи.

Когда мы познакомились Кирилл был подающим надежды специалистом в крупной торговой компании, мне было восемнадцать. Родители-филологи терпели его только потому, что надеялись на скорый конец нашего бурного романа, не ожидая, что тридцать первого декабря, за десять минут до боя курантов, он позвонит в дверь и рухнет на одно колено прямо в коридоре.

Свадьба не стала событием века – скромные посиделки в ресторане с его и моими родителями, и торжественное внесение меня через порог его съёмной квартиры. Первая брачная ночь стала ночью удовольствий и сумасшествий на грани, но нам было всё равно. А потом Кирилл озвучил то, о чём стоило бы договориться до опрометчивой свадьбы – он не хотел, чтобы его жена работала. Но я подчинилась и ежедневно готовилась к его приходу так тщательно, что профессиональным содержанкам и не снилось!

Правда, очень скоро мне надоело сидеть дома, а ещё через пару недель экскурсоводы местных музеев встречали меня как родную. Удивляя саму себя я втянулась, и долгие разговоры об истории со зрителями музеев стали не прихотью, а насущной необходимостью. Спустя пару месяцев мне предложили написать статью в четырёхстраничную специализированную газету и я справилась. Начала брать редкие, но всё же заказы, которые с каждым разом получались всё лучше, и закономерно ждала приглашения в одну известную областную газету, но... Кирилла повысили, и из съёмной квартиры мы переехали в одну из самых дорогих новостроек города. Резкие перемены, ремонт, Сашка и я забросила журналистику во всех возможных смыслах.

Грустно чувствовать себя дурой.

Звонок прерывает ход моих мыслей. Неизвестный номер и безумная надежда, разбившаяся осколками с первыми звуками чужого голоса.

– Пьёшь? – голос Хоффмана не назвать весёлым и я вновь наполняю бокал.

– Пошёл к чёрту!

– Открой дверь, – быстрое уверенное заявление не позволяет сбросить вызов. Не доверяя ушам, уже слегка пошатываясь, я подхожу к двери.

– Жить надоело? – спрашиваю в трубку и слышу смешок.

– У меня с собой виски и Кола, – так себе аргумент.

Тем более, что возникает закономерный вопрос об источнике его информированности, учитывая, что я ни разу не пила в компании одноклассников. А идеальный Хоффман, в белой снежной рубашке и брюках, продолжает стоять под моей дверью.

– Иди к чёрту, Гриша! – ласково посылаю я и отключаюсь, чтобы вернуться на балкон.

Панорама ночного города завораживает разноцветными огнями, фарами машин, пронесшихся по пустой улице, и особенно ярким ощущением одиночества. Как хорошо, что перед свадьбой я предложила Кириллу составить брачный договор и он, смеясь, согласился. Со счастливой улыбкой уверяя, что разделит всё своё имущество пополам и без этой бумажки. Потому что не знает больше таких, как я. Потому что отдаст за меня жизнь. Потому что любит.

Опёршись о перила, я вдыхаю полной грудью прохладный летний воздух, даже в городе отдающий сладковатым ароматом цветов и полевых трав. Буквально позавчера мы занимались любовью на этом балконе, задыхаясь в объятиях друг друга.

Всё ложь!

О том, что с моим воспалением желудка стоило поесть перед тем, как пить, я вспоминаю слишком поздно. Приступ тошноты накрывает внезапно, когда я выбрасываю пустые бутылки в ведро и скручивает над раковиной, вырывая из глубин моего тела алкоголь вперемешку с желчью, болью и слезами.

Ведь я всё ещё его люблю! Невозможно остыть за несколько часов, но крик застревает в горле. Мой сын, моё солнце, моя единственная радость. Он не увидит моих слёз и даже тени от них не появится на моём лице. Надсадный царапающий кашель сотрясает всю меня, приглушённый обеими ладонями. Спазмы прекращаются, глубокие судорожные вдохи и выдохи помогают прийти в себя, и я выпрямляюсь, не обращая внимания на боль в горле.

Последний раз, когда меня рвало, Кирилл бережно придерживал меня за плечи, убрав волосы за спину. Токсикоз вообще штука мерзкая. Зато сейчас распущенные светлые пряди распространяют жуткий запах содержимого моего желудка. Душ и спать. Вот то, что мне по настоящему нужно. И Сашка. А весь остальной мир может катиться по известному Хоффману адресу.

Глава 4

– Мама! Доблкое утло! – крик в ухо и прыжок на живот будит мгновенно.

На одних рефлeксах удерживая Сашку от падения, я переворачиваюсь с ним вместе, перекладывая его на середину огромной кровати, и, пока он заливисто хохочет, открываю глаза.

– Доброе шестичасовое утро, – против воли вырывается обречённый стон, но маленький энергичный смерч двух с половиной лет плюхается поперёк груди, организуя мгновенную побудку.

– Хочу куфать кафу! – требовательно заявляет моё персональное чудо и желудок согласно урчит. Он всё ещё помнит вчерашние подвиги.

– Кафу, так кафу! – фыркнув, соглашаюсь я.

С Сашкой на руках я ставлю молоко и пока мы умываемся, смеясь и брызгаясь, оно успевает залить половину плиты.

– Не будет кафы? – расстроено возит он ложкой по столу, пока я пытаюсь быстро стереть следы первой неудавшейся попытки.

– Ещё как будет! – вскоре молоко долито, успешно доведено до нужной температуры и через пятнадцать минут готовая каша лежит у нас в тарелках.

– Голячо! – хнычет сын.

Тот самый, который минуту назад не мог ждать, требовательно стуча ложкой по столу. Ещё бы не горячо! Быстро переливаю овсянку в плоскую тарелку, дую и ставлю перед нетерпеливо ёрзающим Сашкой его любимое блюдо.

Александра Борисовна приходит в половине девятого. Услышав характерный звон открывающих дверь ключей, я замираю с тушью в руках, плохо понимая как мне вести себя с Кириллом при сыне, но раздаётся её: «Доброе утро!», и Сашка срывается с кресла, в котором до этого перебирал мою косметичку.

– Доброе утро! – закончив с глазами, я выхожу из спальни.

– Удалось выбраться пораньше, – обнимая Сашку, весело признаётся она, – в поликлинике практически не было очереди!

– Александра Борисовна, давайте мы запишем вас к хорошему кардиологу! – уже в который раз предлагаю я ей. – У Кирилла есть замечательный знакомый – мастер своего дела! – я осекаюсь, но Александра Борисовна не замечает мою заминку. Или делает вид. Не удивлюсь, если ей давно известно о том, свидетельницей чего вчера оказалась я.

– Кира, поверьте, в моём возрасте уже ни один мастер не поможет! – смеётся она. – Ну, что вы сегодня делали? – обращается она к Сашке.

– Ели сголевшую кафу! – торжественно признаётся он, а я иду собираться.

Глаза накрашены сильнее, чем обычно, на мне – чёрные джинсы, чёрная футболка и часы на тёмном кожаном ремешке. Lady in black. Долго изучаю собственное отражение и иду переодеваться – чёрта с два я обрадую Меркулову и Хоффмана траурным видом!

– Александра Борисовна, я убежала! – через пятнадцать минут я заглядываю в детскую и ловлю в объятия сына.

– Плиходи быстлей! – шёпотом просит он. – Мы тебе слона налисуюм!

– Обязательно, мой хороший! – крепко целую его и, махнув няне, выхожу.

Михаилу Германовичу я позвонила ещё вчера, сидя в машине перед «Надеждой», со сведёнными судорогой пальцами и ощущением краха своего персонального уютного мирка. Давний знакомый моих родителей, он находился на связи практически круглые сутки и именно Михаил Германович составлял наш с Кириллом брачный договор.

– Кира! – он сам выходит навстречу, как только секретарь сообщает о моём приходе. – Здравствуй! – на правах старшего он по-отечески целует меня в лоб.

– Доброе утро, Михаил Германович! – моему голосу ощутимо недостаёт его жизнерадостности. – Извините, что побеспокоила вас так рано! – официально он работает с десяти, но в это время я уже должна быть на парах, поэтому мне пришлось воспользоваться хорошим его ко мне отношением.

– Брось, Кирочка! – приобнимая за плечи, Михаил Германович провожает меня в кабинет. – Ты же знаешь, я здесь ежедневно с восьми до восьми, – усадив меня в кресло, он устраивается за столом. Вышколенная секретарь бесшумно приносит поднос с кофе и конфетами, также незаметно исчезнув. – Так что случилось? Признаться, вчерашний твой звонок оставил больше вопросов, чем ответов.

Говорить об этом оказалось неожиданно трудно и чашка с кофе помогает занять руки на долгие две минуты, во время которых Михаил Германович молча ждёт моих слов.

– Мне нужен развод, – на выдохе признаюсь я, поднимая на него глаза.

После не следует ни грома, ни молний. Михаил Германович даже позы не меняет, продолжая смотреть на меня с вежливым интересом.

– Ты в этом уверена?

– Абсолютно, – отставив кофе, я переплетаю пальцы перед собой.

– Как скажешь, Кирочка, – он быстро пишет несколько слов в раскрытом ежедневнике. – У вас же есть ребёнок?

– Саша, два с половиной года, – подтверждаю я и Михаил Германович хмурится.

– Напомни-ка, когда заключали контракт?

Даты, статьи, сроки, документы. Порой именно так разрушается устаканенный привычный мир. Так себе выход из зоны комфорта.

Следующие полчаса мы проводим плодотворно, обговаривая все нюансы будущего бракоразводного процесса.

«– А чего бы ты мне не простила? – моя голова лежит на его коленях и Кирилл нежно перебирает пряди волос.

– Я не прошу измену, Кир. Никогда»

Не думала, что это случится и с нами. Правда, и совместной старости я тоже никогда не представляла. А вообще, многие ли задумываются о том, как через сорок лет будут гулять в парке под ручку с мужем? Хороший вопрос, но я точно не в их числе.

До начала пары остаётся пятнадцать минут и я нажимаю на газ, радуясь, что университет недалеко. Но всё равно опаздываю.

– Извините, – к концу курса только-только начали появляться профильные предметы и этот, к счастью, не является ни одним из них, – можно?

– Проходите, Самсонова, – Разумовская приглашающе машет рукой и продолжает лекцию.

Четыре пары истории подряд могут усыпить кого угодно, но волевая ироничная преподавательница вносила немало оживления в свой предмет. Поток из пяти групп не оставил ни одного приличного места и либо я сажусь с Хоффманом на второй ряд, либо иду в самый конец. Естественно, я поднимаюсь по ступеням римской аудитории, но это не избавляет меня от его навязчивого внимания, после вчерашнего отчётливо отдающего подлостью.

– Как ты? – он присаживается передо мной на парту, чего никогда не позволял себе раньше. Решил, что с горя я кинусь в его постель?

– О чём ты, Хоффман? – я не прячу глаза под солнцезащитными очками и любой, в том числе и Меркулова, может попытаться поискать на моём лице признаки ночной истерики.

– Со мной ты можешь поделиться, – он склоняется ко мне, бережным и лёгким движением заправляет прядь волос за ухо, напрочь игнорируя сотню вытаращившихся на нас студентов.

Голос звучит на зависть любому психотерапевту – такой же ласковый и внушающий доверие. А со вчера Гриша заметно осмелел!

– Пошёл к чёрту, Хоффман! – его не берёт ничего – ни мой снисходительный тон, ни ядовитая насмешка в глазах.

– Брось притворяться, Кира, – он всё ещё пытается вызвать меня на откровенность под злобными женскими взглядами половины потока, – я могу помочь! – честное слово, он подставился сам!

И я не могу сдержаться – выразительно осматриваю его с головы до ног, задерживаю снисходительный взгляд на ширинке, и подаюсь к нему.

– Помоги сам себе, Гр-риша, – после томного шёпота издевательский смешок был ещё более уничижающим.

Как и то, что мои слова слышат практически все – в момент оглушающей тишины после звонка о начале пары.

Глава 5

Собирается дождь. Тёмные грозовые тучи группируются над острым шпилем главного корпуса, словно сговариваются, когда именно разразится проливным дождём, чтобы угадать самый неподходящий для жалких людишек момент. И я ощущаю себя самой жалкой из всех.

Нужно ехать домой, разговаривать с Кириллом, обсуждать развод, а сил нет ни на что.

Он стал мне неплохим мужем, где-то слишком жёстким, где-то самолюбивым, но неплохим. Многие так живут, и до вчерашней ночи в наших отношениях меня не смущало ничего. Но Меркулова стала основой, на которую за последние двенадцать часов нанизалось много всего из того, с чем раньше я мирилась, не особо переживая о собственном комфорте.

И привычный путь домой занимает гораздо дольше времени. Не помогают даже мысли о Сашке, напрочь перебиваемые тошнотворным сосущим чувством в желудке. Тем самым, которое всегда предвещает кардинальные изменения, и не факт, что со знаком плюс. На парковке я тоже задерживаюсь дольше обычного. Настолько, что автоматическое освещение начинает гаснуть, оставляя тусклые оранжевые споты на стенах, и только тогда я выхожу из машины, заставляя снова вспыхнуть верхний свет.

На десятый этаж лифт поднимается слишком быстро и мне приходится застыть на несколько секунд перед тёмно-зелёной дверью собственного дома. Хотя какой теперь дом... Пусть Кирилл не водил сюда любовниц, но мне никак не удаётся отделаться от ощущения грязи и презрения, усиливающегося тем сильнее, чем ближе я подхожу к квартире. Это должно было быть просто. Но не было. Два тихих оборота ключа, щелчок и я вступаю на тёмную, под дерево, плитку, из всех предметов отчётливо выхватывая одно – обувь мужа.

– Привет, – в моём взгляде на него нет ни упрёка, ни мольбы.

Ледяное равнодушие, всё же пробивающее его самоуверенную броню. Мне хорошо известны его привычки, в том числе и эта – когда нервничает Кирилл всегда засовывает руки в карманы брюк.

– Привет, – снимаю босоножки и иду в спальню, чтобы переодеться и принять душ.

– Кира...

– Не сейчас, – раньше я бы скинула платье прямо перед ним, желая возбудить, спровоцировать, но сегодня я скрываюсь за дверью ванной от него и всё более гнетущей атмосферы.

Вот только вода не помогает и после бодрящего контрастного душа на мне лишь полотенце и его пристальный взгляд, словно широкая ладонь скользящий по открытой шее и плечам. В домашний костюм забираюсь как в броню.

– Идём в гостиную, – просит Кирилл и хочет взять меня за руку. Демонстративно убираю ладонь.

Только сейчас замечаю, что в воздухе витает трудноопределимый аромат и непроизвольно чихаю, глядя на заставленную тридцатиметровую гостиную. У меня нет предпочтений среди цветов, видимо, поэтому Кирилл решил устроить здесь филиал цветочного магазина, вот только ничего кроме глухого раздражения разноцветные бутоны не вызывают.

– Прости меня, Кир, – его ладони легко ложатся на плечи, прижимая к твёрдой груди, – это какое-то помутнение! Клянусь, это первый и единственный раз! – горячий шёпот обжигает ухо, вызывая предательские мурашки.

Он хорошо меня изучил за эти годы, вот только Олимпиец на ремонте не один день, а три месяца.

– Мне никто не нужен кроме тебя! – одна рука ложится на талию, заставляя почувствовать всю степень его возбуждения. – Ты – моя единственная слабость! И в тебе моя сила! – губы касаются шеи и я склоняю голову, открывая ему больший доступ к телу. – Ки-ира! – страстно

шепчет он, уверенный в моей капитуляции. – Девочка моя! – вторая рука ненавязчиво пробирается под ткань лёгких штанов и за мгновение до того, как его пальцы добираются до цели, в гостиной раздаётся презрительный голос.

– Самсонов, ты серьёзно считаешь, что я стану с тобой спать после этой шлюхи? – Кирилл застывает за моей спиной. – Сколько их таких было за восемь лет? – ни разу в жизни я не смотрела на него, как на грязь под ногтями. Без слов развернувшись, я выхожу на балкон, подальше от выносящего мозг аромата сотен цветов. – И убери эту клумбу, у меня от неё голова болит.

– Кира, – он не добился бы всего, если бы сдавался после первой неудачи. Кирилл опирается ладонями по обе стороны от меня, – мы же любим друг друга. Разве стоит всё портить из-за интрижки? – я разворачиваюсь в кольцо его рук, ощущая как ветер прохладой проходит по открытой спине.

– Что портить, Кирилл? – не могу сдержать порыв – касаюсь его щеки, чувствуя намечающуюся щетину. Разум ещё не осознаёт, что этот мужчина больше не мой. – Отличный секс? – мы встречаемся взглядами. – Найти мужчину на ночь не сложнее, чем снять одногруппницу собственной жены.

– Она сама на меня накинулась! – он хмуро наблюдает, как я устраиваюсь в кресле.

– Даже не сомневалась, – смешок вышел по-настоящему издевательским. – Как твоим ста восьмидесяти четырём сантиметрам и девяноста килограммам противиться пятидесятикилограммовой полутораметровой девчонке! – прикрываю глаза и пропускаю момент, когда он уходит.

Понимает, что спорить бесполезно? Вряд ли, с его-то целеустремлённостью. Возвращение знаменуется холодной стенкой бокала, всунутой мне в руку.

– Давай поговорим, – он садится напротив с бутылкой водки в руке и делает глоток прямо из горла, – чего ты хочешь?

– Получить диплом и вырастить сына достойным человеком, – усмехаюсь ему в лицо.

– Кира, – удивительно, как боль выжигает всё хорошее, что ещё вчера было между нами. Его укоризна проходит мимо, не задевая ничего в моей душе.

– Завтра Михаил Германович начинает бракоразводный процесс, – с улыбкой на губах сообщаю я, отпиваю из бокала и морщусь. Слишком много алкоголя. Опять.

– Значит так? – кажется, что в его бутылке вода, так легко он её пьёт, но запах стоит соответствующий содержимому.

– За всё нужно платить, – я встаю, – и за удовольствие в том числе. Надеюсь, что ты не станешь оспаривать моё право на Сашку, не подрывай остатки веры в твою порядочность.

– А если стану? – оборачиваюсь в дверях и поражаюсь безнадежности в опущенных плечах и болезненном взгляде.

Я искренне считала, что ему наплевать, если не на сына, то на меня уж точно.

– Тогда я уничтожу тебя, Самсонов, – замечаю бесстрастно, – чего бы мне это не стоило.

Цветочный аромат сконцентрировался в стенах гостиной, и я задерживаю дыхание, но тихое: «Кира!» заставляет замереть. Раздражённо оборачиваюсь и застаю невероятную картину, навсегда отпечатавшуюся в сознании. Мой высокомерный, самодовольный, эгоистичный и практически бывший муж стоит на коленях, не отводя от меня горящего взгляда.

– Не уходи.

И вздрагивают руки, из горла вырывается свистящий выдох вместо просящихся на язык слов, а все истинно женские, милосердные, порывы я подавляю жёстким, убивающим настоящую меня, усилием воли.

– Надеюсь, ты понимаешь, что сегодня спишь на диване, – хлопок двери раз и навсегда отрезает меня от восьми прожитых лет жизни.

Глава 6

– Мама! – это утро отличается от других лишь тем, что радостный визг Сашки доносится не сверху, а сбоку, прямо в ухо. – Доброе утро!

– Доброе, – глаза ещё закрыты, голос хрипит после сна, но руки уже обнимают худенькое тельце сына.

– Сашка, бежим умываться, – весёлые интонации именно этого голоса мне приходилось слышать не так часто.

– Папа! – Кирилл Сашка видит гораздо реже, поэтому и восторг каждый раз увеличивается, пропорционально количеству условно-безотцовских дней.

– Пошли, пусть мама ещё поспит, – слыша удаляющиеся шаги Самсонова, я сонно протираю глаза.

Как только мы остёмся наедине, так или иначе оказываемся в общей постели. Так что двухместный диван в детской оказался немногим хуже дизайнерской кровати, несмотря на то, что всю ночь пришлось подгибать ноги. Какая разница, если заснуть мне удалось лишь под утро?

Сегодня слёз не было, но глаза всё равно отсвечивают весёленьким красным оттенком, и пока я пытаюсь хоть как-то сгладить этот ужас, оба Самсонова варят кашу. Пытаются варить. Потому что молоко они упустили, а крупа оказалась рассыпана по половине кухни.

Молча смотрю как Сашка сидит на столешнице, болтая ногами, и радостно облизывает ладошки. Открытая сахарница стоит рядом.

– Мы варим кашу, – Кирилл оборачивается, тепло улыбаясь, со следами молока на предплечье и лопаткой в руке.

– Кафа! – от восторга сын опрокидывается назад, но свободной рукой Самсонов легко его ловит, не дав встретиться затылку Сашки с фартуком из керамогранита.

Ни мой испуганный вздох, ни резкое движение не мешают сыну снова запустить руку до локтя в объёмную банку с сахаром.

– Осторожнее! – угроза больше предназначается Кириллу, чем Сашке, и мне остаётся лишь идти за пылесосом, пока адскую смесь из крупы и сахара не растащили по всей квартире.

Естественно, кашу довариваю я и, накрывая на стол, чувствую взгляд мужа. Практически бывшего. То, что вместо воскресного тенниса, за последние четыре года пропущенного лишь однажды – в день моих родов, Кирилл сидит здесь, смешит Сашку и никуда не торопиться мало меня волнует.

– Сын, в зоопарк пойдём?

– Смотреть мифэк? – ложка мгновенно забыта, а каша размазана по столу, стулу, полу и самому Сашке.

– И их тоже! – подмигивает Кирилл.

– А мама? – для Сашки не происходит ничего сверхъестественного, а то, что папа с утра дома становится всего лишь приятным сюрпризом. Щёлкает чайник.

– Куда же мы без мамы! Чай? – я впервые оказываюсь на месте рекламной домохозяйки, о которой демонстративно заботится любимый муж.

– Воду.

Передо мной возникает стакан с одинокой плавающей долькой лимона, перед Сашкой детская кружка с компотом, а сам Кирилл предпочитает зелёный чай.

Сын болтает без умолку, глотает слоги и целые слова, мечтая о сахарной вате, медведях и капусте для кроликов, а я невидящим взглядом сверлю Кроша на его кружке, только сейчас

замечая насколько зловещий у него оскал. Стоит её сменить на Трёх котов, или Фиксиков – сейчас у него все персонажи редких мультиков любимые.

К огромному сожалению насчёт зоопарка Кирилл не шутит, и через час мы выходим из лифта на втором этаже подземного паркинга. Если бы не Сашка...

– Кира? – Кирилл зовёт меня, когда я уверенно направляюсь к своей машине.

Ключи привычно ложатся в ладонь, но мне приходится вернуть их в сумку – мало того, что мы едем втроём, так ещё и короткий летний сарафан мало подходит для вождения. Но прекрасно для семейной прогулки. Сашка уже ёрзает в автокресле, в то время как я только подхожу к Вольво Самсонова.

– Перебор, Кирилл, – стоило бы казаться мрачной, обиженной или какой там ещё полагается обманутой жене, но внутри поселилась горечь, а внутренности покрылись льдом.

Такой себе айсберг из живого человека. И открытая передо мной дверь не вызывает ничего, кроме усталого раздражения.

– Мне не понравился наш вчерашний разговор, – пока Сашка рассматривает город через тонированные стёкла у нас есть время. Не знаю куда делся цветочный павильон, но с утра о нём не напоминал даже остаточный аромат. – Кира, так нельзя.

– Нам не о чем говорить, – в салоне едва ощутимо пахнет цитрусом.

А я всё гадала откуда у него внезапная страсть к автомойке, чуть ли не по три раза в неделю. Ядрёный парфюм Меркуловой и правда может вывести лишь тотальная чистка салона. Наивная дура.

– Ты вот так просто отречёшься от нашей жизни? – к счастью, Самсонов, как и я, не любитель пафоса, иначе не удалось бы скрыть тошнотворный надрыв киношной фразы.

– Твоей.

– Что? – красный сигнал светофора и мне приходится ответить, глядя прямо в раздражённые тёмные глаза.

– Когда ты последний раз говорил, что любишь меня? – простой вопрос, но он теряется и возвращает взгляд на дорогу. И вот сейчас вскидывает голову моя ярость. Та самая, которая незаметно, по капле, разрушала наш брак и меня. – Интересовался моей жизнью? Когда мы обсуждали что-то, кроме Сашки, совместных отпусков и ремонта?

– Думаешь, ты одна такая непонятая и обделённая? – с сыном в машине он не позволяет себе отвлекаться, но руки напрягаются, с силой сжимая руль, так, что скрипит кожа, а красиво очерченные губы сжимаются в одну линию. – Все так живут, Кира! Но жертву из себя строишь только ты!

– Мам, а сколо мифы? – Сашка заскучал, подавшись вперёд и надеясь дотянуться до просвета между передними сиденьями.

– Скоро, мой хороший, почти приехали, – по левой стороне улицы потянулась длинная высокая стена из кирпича, бывшего когда-то ярко-красным, с облезшими фигурами животных по верху.

– Ул-ла! – кричит он, вскидывая руки. Кирилл переезжает через лежачего полицейского, от чего Сашка ойкает, и въезжает в полутёмный подземный паркинг. – Мама?

– Не бойся, Саш, сейчас папа припаркуется и пойдём! – вряд ли он видит в темноте мою улыбку, но уверенный тон его успокаивает.

Пока Кирилл достаёт сына, я выхожу из машины, но не вкладываю ладонь в его протянутую руку.

Я не передумаю, Кирилл! Не прощу и не вернусь.

Глава 7

Зоопарк мы обходим за час и сейчас сидим на скамье, наблюдая как весело Сашка носится вокруг клетки с белыми медведями. Бедные животные! Нетипичная для конца мая, по-настоящему июльская, жара заставляет несчастных жить в бассейне, в попытке хоть как-то охладиться, пока шкала градусника с упорством ползущего по дереву жука взбиралась всё выше и выше, давно перевалив отметку в +25.

– Кир, я не хочу тебя терять! – мы сидим рядом, но не касаемся друг друга, скрывая глаза за солнцезащитными очками.

– Стоило подумать об этом до того, как тащить в постель кого попало, – перед взглядом – картина с его экстазом, верхом на Меркуловой, и становится тошно.

Дёргается верхняя губа, но, к счастью, в этот момент он смотрит на сына и мне удаётся быстро взять себя в руки. Храбрюсь. Мне горько и тяжело. Гораздо хуже, чем ему, но для меня теперь единственные ценности – я и Сашка, а развод это единственный выход, при котором мне удастся сохранить самоуважение. Как бы Кирилл не отпирался, мы оба хорошо понимаем, что она не была первой и вряд ли станет последней, а раз так, теряется всякий смысл нашего брака. И, кстати...

– А вообще, Самсонов, тебе что, секса не хватало? – он резко поворачивается в ответ на откровенное издевательство.

Понимаю, почему в трудные минуты героини романов спешат прикурить, мне бы не помешало занять чем-то руки, но вместо этого я продолжаю смотреть на него с лёгкой улыбкой на лице, а рука всё так же расслабленно лежит на колене.

– Кто он? – сдёрнув очки, Кирилл сверлит меня по-настоящему бешеным холодным взглядом. – Ты слишком радуешься, так что признавайся, Кира! – его рука накрывает мою ладонь, и со стороны мы наверняка смотримся счастливой семейной парочкой. Вот только никто не знает, что вместо лёгкого поглаживания, он до боли сжимает мою руку. – Давно ты с ним спишь?

– Ты бредишь, Самсонов! – губы кривятся в презрительной усмешке. – В отличие от тебя слово «верность» для меня не пустой звук.

– Тогда из-за чего ты так счастлива?

– Счастлива? – мой нервный смехок слышит лишь он. – Ты идиот? – Кирилл дёргается, но молчит. – По-твоему я мечтала выкинуть на помойку восемь лет жизни? – Сашка машет нам рукой и мы синхронно улыбаемся в ответ. – Между нами много чего было, но уходить я не хотела никогда.

– Так оставайся! – его ладонь скользит по моему плечу, притягивая ближе. Пытаясь это сделать, но я резко поднимаюсь со скамьи. – Сохрани семью, Кира, и, клянусь, ты не пожалеешь!

В такого Кирилла я когда-то влюбилась – сильного, уверенного, самоотверженного, но это было до «Надежды» и дешёвых простыней. До пустых обещаний и разорванного на ошмётки доверия.

– Я уже жалею, Кир! – сознание ловит счастливый Сашкин крик каждый раз, когда медведи выныривают, отфыркиваясь и мотая лобастыми головами. – Жалею, что не ушла сразу, стремясь сберечь спокойствие сына. Что...

– Простите! – слышу за спиной, но ощутимый толчок заставляет потерять равновесие, и я лечу вперёд, но испугаться не успеваю – Кирилл ловит, обхватив сильной рукой за талию и крепко, до хруста ребёр, прижимает к себе. Он же кидает злой взгляд на виновника. – Я вас сильно ушиб?

– Смотрите под ноги!

Самсонов поддерживает меня под локоть, пока я пробую наступить на подвёрнутую ногу. Последний раз, когда эти босоножки меня подставили, я ушибла колено о гранитную ступень, радуясь тому, что лестница, как и весь дом, принадлежали известному хирургу, приятелю Кирилла. И этот раз переполнил чашу моего терпения, осталось лишь добраться до мусорного ведра.

– Кир, ты как?

Сегодня же найду нам новое жильё! Нельзя избавиться от воспоминаний за пару дней, особенно, когда мой локоть в его руке выглядит настолько хрупким, что я начинаю ощущать себя феечкой из мультика. И Кирилл бессовестно этим пользуется.

– Кира? – спокойный тон и не лишённые достоинства извинения кажутся знакомыми, как и разноцветные глаза стоящего перед нами мужчины.

– Хоффман, – спасибо авиаторам, скрывающим выражение моих глаз.

– Какая неожиданная встреча, – так бывает, когда ежедневно видишь коллег, однокурсников, одноклассников и уже не представляешь их где-то вне того мира, где они – привычный устаканившийся фон. И теряешься, стоит столкнуться с одним из них в совершенной другой реальности – зоопарка, ресторана или торгового центра. – Представишь меня своему спутнику? – тонкое изошрённое издевательство не входит в его обычный арсенал.

Также, как и попытки соблазнить, но передо мной стоит совсем другой Хоффман, без налёта простоты и нарочитой скромности. Тот, который без труда сложил два и два, видя одинаковые обручальные кольца, но предпочёл другой путь. Сверкая белоснежным оскалом, видя, как Кирилл до скрипа сжимает челюсти.

– Кирилл, это Григорий Хоффман – мой однокурсник. Хоффман, это Кирилл Самсонов, мой муж, – на этом мои обязанности оказались выполнены и, оставив их одних, я иду к сыну.

Блондинка за спиной Хоффмана так и остаётся беззвучным приложением с отчётливыми чертами стервозности на лице.

– Мама, мифкам жалко! – первый восторг схлынул и Сашка прижимается лицом к прутьям, грустно наблюдая за откровенно задолбавшимися медведями.

– Точно, мой хороший, – подхватываю его на руки.

Вольер разделяет кованая решётка и животные ходят кругами, замирая, когда оказываются слишком близко друг от друга. Прямо как мы с Кириллом, и Меркуловой в роли железного, с колючей проволокой и электрическим током, глухого забора. В нём остаётся последняя, едва заметная щель, которую я с достойным лучшего применения упорством забиваю жвачкой и замазываю гудроном. Так, чтобы наверняка.

– Нам тоже становится жарко, пойдём домой? – но Сашка меня уже не слышит. Тёмная макушка уютно лежит на моём плече, а её хозяин посапывает, видя яркие сны.

– Давай я возьму, – Самсонов подходит неслышно и уверенно перехватывает сына, – идём?

– Кир, на пару слов, – Хоффман появляется справа, держась на вежливом расстоянии.

– Идите в машину, я скоро, – мне всегда удавалось прочитать выражение глаз Кирилла, но он снова в очках и всё, что я вижу – резкий поворот и быстро удаляющуюся спину.

– Какого чёрта, Кира?! – время приближается к часу, и в зоопарке практически нет посетителей до второй, вечерней, волны.

– Руки убери! – цежу я, стряхивая его пальцы, неожиданно длинные и слишком сильные для не отличающегося мускулатурой одноклассника. – И выбирай выражения.

– Я не для того рассказал тебе про Лизку, чтобы смотреть на счастливое семейство Самсоновых в полном сборе! – его глаза шуряются, а между бровей пролегает глубокая морщина, показывая то, что я уже поняла сама. Оценивая его возраст, я прилично так промахнулась.

– Хоффман, а ты чего ждал? – хмыкнув, я стягиваю очки, с неприкрытым удовлетворением наблюдая как он спотыкается о мой снисходительный взгляд. – Думал я играю? – презрительный смешок развеивает все возможные сомнения. – Или всерьёз считал, что после всего я кинусь в твою постель? С разбега.

– Верил в твоё благоразумие и самоуважение, – самое время разочаровать его ещё больше и избавиться от претендента на своё тело.

– О чём ты, Гриша? – манерно растягиваю слова, мгновенно меняясь. – Благоразумие? – взлетают брови. – Самоуважение? – делаю шаг навстречу и пальчиком касаюсь его груди.

Надо бы записаться на маникюр.

– Откуда это у девочки, сексом заманившей перспективного финансиста в брачные сети? – тихий смех в ответ на его недоверие. Как же легко порой оправдывать чужие ожидания! – Сколько их было и сколько ещё будет... – наконец он меняется. – Его держит сын, – от контекста режет уши и бесчинствует совесть, – его держу я, и ни одна одноразовая подстилка не встанет между нами.

– Меркулова...

– Меня не волнует, – сейчас – равнодушно повести плечами. – Кирилл разбирается в товарно-рыночных отношениях получше тебя, Хоффман, – добиваю его интимным шёпотом, – и знает, что именно покупает, удовлетворяя все мои просьбы! – и оценивающим взглядом перед тем, как вернуть очки на место. – Сможешь также?

Яркий сарафан на тонких бретелях только усиливает общую картину, когда я поправляю волосы, призывно открывая шею.

– Оказывается, ты та ещё беспринципная... – прежде, чем он договорит, я закрываю ему рот ладонью.

Наши глаза так близко, что мне хорошо видны тёмные прожилки в радужке – одинаковые, несмотря на разный цвет глаз. В руке, сжавшей мою, в стремлении отклониться, в нахмуренных бровях – во всём его виде лишь отвращение, тесно завязанное на презрении к таким, как я.

– Пусть это останется между нами, – нежный шёпот и я убираю руку. – Звони, как решишься, Гр-риша! – игривое подмигивание стало бы последним гвоздем в крышку гроба его симпатий, но я неожиданно засмотрелась на кривящиеся губы.

Эффект всё равно вышел что нужно, и я легко сбегая по ступеням, действительно торопясь к сыну. Кирилл раз за разом растравливает душу, и моё неадекватное внимание к Хоффману – результат навязчивого желания отомстить.

Хотя бы так.

Глава 8

– Я его уничтожу! – Сашка спит и Кирилла больше ничего не сдерживает. Проступают вены на руках, на шее бьётся жилка, а по лицу ходят желваки – Самсонов в бешенстве. – Значит так у тебя выглядит верность?! Это твои принципы?

– Не ори, – прикрыв глаза, торможу его.

– Отдалась за домашку? – продолжает Кирилл, заметно сбавив громкость, но не уменьшив ярость. – И после этого строишь из себя институтку! – после чересчур резкого поворота я смотрю на Сашку, но он не просыпается. – И сколько ты его ублажаешь? С первого дня в этом грёбанном институте? Меня одного тебе стало мало? Или ты и поступала только ради этого?! – возня на заднем сидении заставляет его оборвать речь.

Сашка поворачивает голову, что-то говорит во сне и успокаивается.

– Выговорился? – маникюр и правда пора обновить – на левом мизинце появилась заметная трещина. – А теперь послушай меня, Самсонов, – уверенная в своей правоте, я не распыляюсь ни на громкий тон, ни на показательные обвинения, – если мне захочется, я поучаствую в целой оргии, но это не имеет к тебе никакого отношения уже двадцать шесть часов.

– Я всё ещё твой муж, – мы заезжаем в паркинг и, останавливаясь, Кирилл разворачивается ко мне, – хочешь ты этого или нет.

– Всего на пару месяцев.

– Посмотрим, – угроза не пугает, и стоит нам перешагнуть порог квартиры как я твёрдым шагом иду в спальню.

Кирилл останавливается в дверях, когда лёгкий дорожный чемодан заполнен уже наполовину.

– И куда ты поедешь?

– На Фрунзе, – сдув волосы со лба, я смотрю на него твёрдым взглядом, – и не надо обольщаться. Адрес ты знаешь лишь потому, что лишать Сашку отца не входит в мои планы.

– И что ты скажешь Игорю Ростиславовичу? – хмыкает он, присаживаясь передо мной на корточки.

– Правду, – со смерти мамы отец сильно постарел, но скрывать от него развод – высшая степень идиотизма.

– А это для нового любовника? – двумя пальцами он вытягивает из стопки одежды кружевные чёрные трусики.

– Пошёл к чёрту, Самсонов! – выдернув бельё, я бросаю его в чемодан и раздражённо хлопаю крышкой.

– Обязательно, родная, – вскидываюсь я слишком поздно, он хватается за меня, намертво прижав руки к бокам, – но чуть позже.

– Не смей! – считается ли домашним насилием то, что Кирилл роняет меня на кровать, блокируя ноги и удерживая руки одной своей? Вряд ли суд это признает, узнав как выгибается моё тело, когда он касается кожи, задрав сарафан до талии. – Кирилл!

– Уже не так решительна? Да, Кира? – меня отрезвляет металлический привкус во рту. – Тебе же нравится, не сопротивляйся! – сопротивляться возбуждённому мужику в полтора раза больше меня? Был бы смысл.

– Ты пожалеешь! – его рука поглаживающими движениями спускается всё ниже, и мои угрозы не имеют уже никакого эффекта.

Как хорошо, что у меня есть аргумент посерьёзнее!

– Дрянь! – хрипит Кирилл и заваливается набок.

Может, я и собиралась его пожалеть, но как-то совсем некстати вспомнились Меркулова и Хоффман, так что Самсонов получил прямой удар по своему достоинству и в прямом, и в переносном смысле.

– Возможно.

Мне хватает времени не спеша переодеться, собрать вещи сына и вывезти чемодан в коридор.

– Мама, ты куда? – из детской выходит Сашка, зевая и потирая рукой сонные глаза.

– Поедем в гости к дедушке, – таинственная улыбка и весёлое подмигивание зажигают восторг в глазах ребёнка – у него сегодня определённо счастливый день. В отличие от меня. – Держи рюкзак, – красный, со Вспышем, – и беги за любимыми машинками, скоро выходим.

– Дедушка! – подпрыгнув, Сашка скрывается в детской и я прислоняюсь к стене, прикрыв глаза.

Условно-принудительный секс не состоялся, примирение по правилам Самсонова также, а сам он ближайшее время будет держать руки при себе. Неплохой расклад.

– Фсё! – сын вылетает из своей комнаты, широко размахивая брякающим при каждом шаге-прыжке рюкзаком.

– Отлично! – взяв его за маленькую ладошку, я открываю дверь и касаюсь ручки чемодана.

– А поцеловать папу на прощание? – Кирилл стоит в начале коридора, широко раскинув руки, и Сашку не нужно просить дважды. – Защищай маму, – весело напутствует он его, вот только взгляд поверх детского плеча обжигает предостережением.

Самсонова опасаются подчинённые и уважают конкуренты, но сложно бояться того, с кем исполняла самые изощрённые фантазии, а уважение пропало в миг, когда я услышала стоны в прихожей гостиничного номера.

– Буду, – умиляет меня сын серьёзностью во взгляде.

– Идём, мой хороший, – в одной руке я держу Сашку, в другой чемодан, а за спиной оставляю прошлую жизнь, которая должна была стать счастливой.

– Мама, а папа приедет? – спрашивает сын, как только мы вырुливаем на проспект.

– Приедет.

– Вечелом?

– Вряд ли, – перед нами резко выезжает шестёрка и в салоне раздаётся раздражённый скрип моих зубов. Хоть бы поворотники показал!

– Завтла? – Сашка не унимается, быстро успокоив восторги.

– Возможно, – то ли на дороге одни идиоты, то ли у меня сдают нервы.

Выдохнув, включаю правый поворотники и перестраиваюсь, максимально снизив скорость. Сын болтает что-то и, к счастью, от меня требуется лишь угукать в нужных местах. Завтра утром мне нужно к Михаилу Германовичу, а, значит, как только приедем предстоит срочно связаться с Александрой Борисовной. Знаю, что до родительского дома ей добираться намного сложнее, но выбора нет – никто не поставит жизнь на паузу, и если в среду меня не будет на очередной паре у Глебова, можно смело попрощаться и с пересдачей.

Вообще удивительно насколько злопамятным может быть красивый мужик в самом расцвете лет. Наши девчонки млели каждую пару, откровенно напрашиваясь на факультативы, и все как одна считали, что пристальный взгляд Ильи Глебовича гарантирует страстный секс вместо скучного зачёта. Пролетели все и разом.

Они, когда Глебов не допустил к сдаче, отправив тринадцать из двадцати девушек группы переодеться и я, когда решила, что дружу с цифрами. Спасибо Илье Глебовичу, разубедил за три минуты! В итоге, единственным, кто сдал высшую математику с первой попытки оказался Хоффман, но и он радовался недолго.

Часть девчонок переключилась на него с идеальным мотивом – поднатаскать в математике, и если поначалу он собирался поиграть в благородного рыцаря, то через неделю прямо посылал желающих по известному адресу.

– Есё долго? – устало спрашивает Сашка, вздохнув.

– Чуть-чуть.

Во двор перестроечной девятиэтажки мы въезжаем гораздо позже намеченного, но Сашка не обижается, не выпуская из рук свою законную награду – яйцо Киндер с мультяшными машинками на обёртке. Последние три недели папа живёт на даче, и вряд ли в доме есть что-то съестное, поэтому нам пришлось проехать через ближайший супермаркет. Каша на воде то ещё отвратное варево.

Остаётся вопрос как мне подняться на девятый этаж с чемоданом, продуктовым пакетом и ребёнком.

– Помочь? – вздрагиваю, резко разворачиваюсь и наступаю прямо на пальцы непрошеного помощника.

– Самсонова! – шипит Хоффман, но поддерживает меня под локоть, когда предательски подламывается тонкий каблук. Чёртовы босоножки! Стремление как можно скорее покинуть квартиру стоило мне нормальной обуви. – Имей совесть!

– Ты бы ещё ближе подошёл и по носу бы получил! – я раздражённо захопываю багажник, отсекая нас от увлечённого рассматриванием полурастаявшего яйца Сашки. – Какого... – исправляюсь, вовремя вспомнив о том, что сын повторяет всё подряд, а в моей речи слишком легко приживаются ругательства, – что ты здесь делаешь?

– Собираюсь тебя купить.

Глава 9

Солнце медленно садится, лаская вечерними лучами деревянную горку на детской площадке, дикие яблони, посаженные самими жителями, и косящихся на нас старушек, облепивших скамейки как голуби парящие люки зимой. Я смотрю на Хоффмана и прикидываю что мне выгоднее, послать его сразу или сначала воспользоваться услугами носильщика.

– Бери сумки, помощник, – побеждает здравый смысл.

Подняв дверь багажника, жестом указываю ему на чемодан и пакет с продуктами, и Хоффман легко подхватывает вещи.

– Мама?

– Иду, Саш, – багажник закрыт, Хоффман при деле, и я отстёгиваю Сашку, ставя его на асфальт. Надутого, с рюкзаком и Киндером, и недовольно сверлящего взглядом чужого дядю с нашими сумками.

– Здравствуй, Александр! – мой откровенный сарказм не мешает Хоффману важно пожать руку сына. – Меня зовут Гриша, я учусь с твоей мамой.

– Глиса? – греча! Хочется съязвить, но не при ребёнке же!

– Точно! – как ни в чём не бывало соглашается тот.

– Идём, мой хороший, – мы первые идём в сторону подъезда и держим дверь, пропуская Хоффмана.

Всё время, пока мы поднимаемся в лифте, Сашка недобро на него косится, а я поражаюсь его интуиции. Доля благодарности к Хоффману всё же присутствует в моих мыслях, и если бы не его наглые домогательства, я бы её даже озвучила. Если бы...

С дверью приходится повозиться – последний раз открывать её своим ключом мне посчастливилось года три назад. Антонина Васильевна, мамина соседка-подружка, переехала и мама просила меня приезжать хотя бы раз в три дня, чтобы поливать цветы, больше напоминающие буйные джунгли. Тем летом она ещё была жива.

– Мама, тепель мозно? – Сашка заходит в тесную прихожую, начисто забыв обо всём, кроме драгоценного яйца.

– Сейчас помоем руки и съешь! Хоффман, – я зову его, ведя сына в ванную, – чемодан брось в коридоре, а пакет отнеси на кухню. И обувь сними!

– Ты за кого меня принимаешь? – даже приглушённый водой, его голос звучит возмущённо.

– Ты не хочешь этого знать, – хмыкаю я себе под нос и помогаю сыну вытереть руки.

Здесь в моей душе всегда воцарялся покой и умиротворение, но присутствие Хоффмана разрушает до основания и это. Не помогает даже то, что куда бы не смотрел мой взгляд, он замечает вечные вещи, те, которые стояли на тех же местах и пятнадцать лет назад.

– Фсё? – с надеждой спрашивает Сашка, хватая с раковины свою награду.

На кассе он долго выбирал между Киндером и упаковкой мармеладных мишек, соблазнившись в итоге игрушкой, и получил её за терпение и стойкость.

– Всё, – договариваю в пустоту, удивляясь какую скорость развивает этот ребёнок, когда дело касается сладостей. – Саша! – кричу вдогонку. – Быстро на кухню! – топот резко меняет направление, но в коридоре меня задерживает Хоффман.

– Ки-ира, – протягивает он.

К счастью, узкий коридор не просматривается с кухни и шелестящий фольгой сын не видит, как Хоффман крепко сжимает мою талию, привлекая к своей груди. Это чертовски неправильно, но на мгновение я задерживаю дыхание, глядя в самодовольные разноцветные глаза. Те самые, которые демонстративно разрушили мой брак по собственной прихоти. Те,

по которым сохнет большая часть потока. Те, которые решили, что я сдалась. И оказались недалеко от истины. Вот только понятие победы у нас с Хоффманом разное.

– Ты же меня хочешь! – ментоловое дыхание укрывает мои губы тёплым покрывалом.

– Сколько тебе лет, Хоффман? – откровенная насмешка вселяет в него сомнение.

И правильно, ведь согласно сценарию мы уже должны страстно целоваться.

– Двадцать восемь, – он отстраняется, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Я тебя младше, – всё также стою в его объятиях, даже не пытаюсь освободиться, – а понимаю в этой жизни гораздо больше.

– Мама! – отчаянный крик, и у Хоффмана не остаётся выбора – он разжимает руки.

– Что, мой хороший? – я захожу на кухню.

– Надо мыть, – глубокомысленно изрекает Сашка и протягивает ко мне руки ладонями вверх.

– Ну ты даёшь, герой! – весело хмыкает за моей спиной Хоффман.

Тарелка, стоящая перед сыном, отличается неестественной белизной, в отличие от стола, стула, самого Сашки и даже стены. Интересно, хоть что-нибудь попало ему в рот?

– Идём мыться, – никогда не понимаю что следует делать в таких случаях.

Ругать двухлетнего ребёнка? Сложно сохранить серьёзное выражение лица, когда он перемазан шоколадом словно спецназовец – на щеках широкие полосы от носа к волосам, а на лбу отпечаток ладони. Мне с трудом удаётся сохранять укоризненное выражение лица. Пока я отмываю сына, Хоффман успевает неплохо устроиться, поставив чайник и даже порезав лимон на тонкие кружочки.

– Как тебе это удалось? – включив ребёнку мультик, я возвращаюсь.

Не самое лучшее занятие, но сейчас у меня нет выбора.

– Освоиться в твоей кухне? – мне никогда не удавалось так красиво поднимать бровь.

– Порезать лимон, – странно, но меня не раздражает, что он здесь хозяйничает. Уходить без разговора он явно не собирается, хотя ещё днём должен был забыть о моём существовании.

– Мама развелась с отцом двадцать лет назад, – хмыкает он и ставит передо мной кружку с чаем. Мою старую кружку с русалочкой и витиеватой надписью «Кирочка», – а через полгода вышла замуж удачнее прежнего. Ты знала, что готовка способна снимать стресс даже у восьмилетнего ребёнка?

– Запомню.

Из соседней комнаты слышится Лунтик, а мы чинно сидим на кухне, не спеша начинать разговор.

– Ты мне соврала, Кира, – отставляя кружку я знала, что увижу и не разочаровалась. – Сегодня, в зоопарке, – немигающий взгляд, сжатые в тонкую линию губы и всё недовольство мира на лице.

– И ты решил за мной проследить?

– Увидел твою машину на парковке супермаркета и не удержался, – Хоффмана не беспокоит ни это, ни нахождение в чужой кухне.

Кажется, он везде чувствует себя хозяином положения, что лично меня удивляет. Подобное мне приходилось видеть, и не раз, но те мужчины были гораздо старше. Хотя что я знаю о Хоффмане? Только то, что он гений в математике.

– Зачем ты приехал? – второй раз закосить под дурочку не удастся и мы оба хорошо это понимаем.

– Я уже сказал, – хмыкает он, даже не притронувшись к кружке. – Я хочу тебя и хочу знать сколько это будет стоить.

Выдыхаю через сцепленные зубы и резко поднимаюсь. Помыть кружку становится лучшим выходом. Ярость кипит внутри, расплёскиваясь, выжигая внутренности и заставляя дрожать руки. Холодная вода не способствует успокоению, но мне нужно занять руки, чтобы не

запустить кружкой в Хоффмана. Так, чтобы «Кирочка» разбилась осколками вместе с его лбом. Баран! Купить меня!

Плевать, что я сама вложила эту мысль в его голову! Плевать, что это не должно меня задевать! Никогда в жизни я не оценивала людей по степени наполнения их банковских счетов! И услышать это оказалось... чересчур.

– Не злись! – шёпот обдаёт тёплой волной ухо, горячие руки ложатся на талию и он прижимается ко мне, демонстрируя всю степень своего желания.

Удар.

Я бью не по-женски, сильно, вкладывая всю горечь последних суток, и Хоффман отступает на шаг. Из носа течёт кровь, красными каплями въедаясь в белоснежную поло.

– Запомни, Хоффман, раз и навсегда, – мне действительно легче. Не настолько, чтобы останавливать бракоразводный процесс, но достаточно чтобы перестать считать его виновником всего этого, – не подходи к стрессующей женщине! И не демонстрируй своё желание, если не хочешь остаться без достоинства!

Очень удачно нож оказывается в моей руке, но я бросаю его в раковину и тыкаю в Хоффмана вафельным полотенцем с весёлым петушком, стоимостью пять советских рублей. Прямо в нос, туда, где совсем недавно был мой кулак. Ругательство радует больше любимого коктейля, но Хоффман может считать это проверкой. Если бы я сломала нос, кровь не остановилась бы так быстро, да и боль имела совсем другой оттенок. Знаем, плавали.

– Зар-раза ты, Самсонова! – гнусавит он, на ощупь находя табурет и задрав голову вверх.

– А ты – идиот!

– Видимо, да, – крутость Хоффмана заметно подпорчена засыхающими кровяными подтёками и лишней абстракцией на рубашке, но это не мешает мне подозревать очередную глупую выходку, – потому что хочу, чтобы вы с Сашкой переехали ко мне!

Глава 10

Маятник настенных часов продолжает отсчитывать секунды, Хоффман молча ушёл умываться, а я никак не могу понять что ему от меня надо. Секс? Так стоило просто подождать пару недель, потом прикинуться милым и хорошим и, возможно, он бы добился своего. Но с бараньим упорством Хоффман продолжает демонстрировать характер, подкрепляя выходки идиотскими предложениями!

Все эти годы у меня был надёжный буфер между мной и желающими развлечься, испарившийся в момент, когда я вошла в гостиничный номер «Надежды». И вера Хоффмана в возможные товарно-денежные отношения устраивала меня гораздо больше вот этого всего. Что вообще происходит в голове предлагающего такое человека? Тараканы совокупляются?

– Ты подумала? – кровь с лица он смыл и заодно охладился – с коротких тёмных волос на линолеум падают одинокие капли.

– Пошёл к чёрту, Хоффман! – это скоро станет моим девизом, но я устала. Адски устала разгребать последствия супружеской неверности. Мне бы остаться одной, взвыть раненной волчицей, напиться до розовых соплей, но у меня Сашка. У меня учёба. И Михаил Германович, назначивший встречу на завтра. – Говори прямо, какого дьявола тебе от меня надо и проваливай из моей квартиры!

– Дьявол это кто? – любопытная мордашка просовывается между Хоффманом и косяком двери. Корить себя за несдержанность поздно.

– Очень плохой дядя, – страшные глаза, печенье в маленькую ладошку и сын бежит досматривать мультик.

– Прямо? – опасный прищур в его исполнении я уже видела и не впечатлилась ни им, ни остановившемся в полушаге Хоффманом. – Хочу, – тихий угрожающий тон, – чтобы ты лежала обнажённая на моей постели. В моей власти, – разноцветные глаза потемнели. – Хочу, чтобы ты извивалась подо мной и раз за разом стонала моё имя. Чтобы твоя страсть оставила следы на моей спине! Хочу, чтобы ты была моей.

Во время минутной паузы я осмысливаю его более, чем пламенный ответ.

– Обалдеть! – произношу по слогам, поражённо качая головой. – Это тебе не ко мне, Хоффман, – резкая смена на доверчивый шёпот сбивает его с толку. – «Пятьдесят оттенков серого» перечитал? Так у нас есть такие клубы, хочешь адресок подскажу? А то твои фантазии слишком уж напоминают романтизированные дрянным фильмом отклонения.

– Считаешь, что это взрослый разговор? – хмыкает он. – Кир, по-моему ты пересидела в декрете...

– Ещё слово на эту тему и я всё-таки сломаю тебе нос, – обещаю буднично, убирая посуду.

– Думаешь получится? – Хоффман зажимает меня у раковины, уперевшись обеими ладонями в столешницу. Какого я вообще до сих пор его слушаю?! – Я сильнее, пока ещё Самсонова.

– А у меня очень острое колено, – улыбка задумывалась милой, но глянец холодильника отражает хищный оскал, – и рефлекс, – я отталкиваю его и захожу в гостиную, где Лунтик в водоёме радостно собирает бусины. – Солнце моё, последний мультик и спать, – сын не реагирует, – Саша!

– Ага, – пусть он увлётся, но, пока мы не дожили до очередного детского кризиса, слушался.

По-моему детство вообще один сплошной кризис, зачастую именно для родителей.

– Ты хорошая мать, – Хоффман стоит в проходе между коридором и гостиной, и добавляет, когда я останавливаюсь около него, – и вырастишь счастливыми наших детей.

– Ты меня достал! – под тихий смешок я выталкиваю Хоффмана к входной двери. – Иди ко всем чертям!

– Только вместе с тобой, – и вот знаю, что занимаю защитную позицию, скрестив руки на груди, но ничего не могу с собой поделать. Меньше всего мне хочется выяснять с ним наши мифические отношения. – До встречи, Кира! – хочу привычно послать, но понимаю, что это становится нездоровой привычкой поэтому молча захлопываю за ним дверь.

Пора мыть Сашку и доведённые до автоматизма движения отвлекают от лишних мыслей, особенно, когда он сначала поскальзывается в ванной, а после весело выливает на меня пару литров воды. На этом наше купание заканчивается и когда, высушенного и переодетого, я приношу сына в детскую он спит на ходу, мгновенно вырубаясь в обнимку с любимым одеялом.

Через лёгкие шторы в комнату попадает свет фонаря и слышно проезжающие мимо машины. Детскую кровать моим родителям мы покупали на всякий случай, и Кирилл вряд ли рассчитывал именно на такой. На стенах всё ещё висят, оставшиеся с моей юности, географические карты, учебные заметки и номера давно ненужных телефонов.

Мне семнадцать, мы с подругами порхаем по центру города, привлекая внимание прохожих залихватистым смехом и короткими юбками. Наше любимое место – аллея по правому берегу пересекающей город реки, с каскадными широкими ступенями и деревянными скамейками. Нас пятеро. Мы клянемся в вечной дружбе, строим планы на будущее не предполагая как далеко друг от друга раскидает нас жизнь.

Их двое. Высокие, взрослые и в целом впечатляющие, но сейчас смеются, жестикулируя, и мы ожидаемо затихаем, демонстративно не глядя на проходящих мимо уже мужчин. Агата ненароком поправляет волосы, Тома копается в телефоне, то и дело поглядывая в их сторону. Варя с Элей продолжают смеяться, не обращая внимания на окружающих, а я просто жду пока два образчика идеальных бойфрендов пройдут дальше и наш девичник снова обретёт весёлую непосредственность.

– Девчонки, компания не нужна? – они останавливаются прямо напротив, и пока светленький сверкает безупречной улыбкой, его тёмноволосый друг насмешливо переводит взгляд с одной моей подруги на другую.

Кирилла ожидаемо привлекает Агата, звезда нашей компании, в то время как Костя был готов любить всех и сразу, и начал доказывать это, подхватив Томку с Варей под руки. Кино и кафе закончились в ночном клубе, где Агата отожгла, вырубившись на кожаном красном диванчике, а я просто сбежала, устав от долбящей мозг музыки и подвыпившей компании.

– Я провожу, – Кирилл нагоняет меня уже на улице, – час ночи не самое лучшее время для прогулок.

– А ты благородный рыцарь? – пару коктейлей всё же отметились в моей крови, а большие мне и не надо. – Тогда лови! – я вскакиваю на узкое кованное ограждение – единственное, что отделяет меня от бурлящего внизу потока.

– Рехнулась?! – кричит он, пытаюсь сдёрнуть меня с парапета, но, хмыкнув, я пользуюсь гимнастическим прошлым, уходя от захвата, балансируя на самой грани.

– Это же весело! – смеясь, кричу в ответ, а в следующее мгновение птичкой слетаю в его руки.

– Весело, значит, – выдыхает Кирилл мне в губы. Адреналин зашкаливает, перемишляется рваное дыхание и я понимаю, что Агата в пролёте. – Дикая! – прижав меня к тому самому парапету, он касается моих губ обжигающим поцелуем и страсть огнём проходит по моим венам.

Контраст горячего мужского тела и холодных брызг вырывается стоном удовольствия, и Кирилл заглушает его очередным поцелуем, стремясь стать глубже, ближе.

– Поехали ко мне, – шепчет он, прикусывая мочку моего уха.

Одна его рука уже под юбкой, пальцы задевают край кружевного белья, заставляя меня выгнуться над пропастью. Попадись мы патрулю и закончили бы ночь в обезьяннике, но нам везло, а редким прохожим, таким же пьяным и отвязным, было глубоко плевать на целующуюся парочку.

– Чёрта с два, – улыбка не сходит с моих губ, и я отталкиваю Кирилла, – я не уезжаю из клуба с незнакомцами.

– Тогда завтра, – он снова подходит вплотную, крепко прижимая меня за талию и упираясь значительным аргументом своей заинтересованности, – в шесть вечера.

– Опять кино? – насмешка была ложью, сейчас я согласилась бы и на парк.

– Ресторан, Кира, – особое удовольствие видеть с каким желанием на тебя смотрит симпатичный мужчина. А уж когда он проводит по моей нижней губе большим пальцем... Возможно, и стоило нарушить собственные принципы, в виде исключения, – своих девушек я не вожу по дешёвым забегаловкам...

Громкий пронзительный звонок разрывает ночную тишину пустой квартиры, заставляет вздрогнуть и, чертыхнувшись, я срываюсь к сумке. Забыла сбавить звук!

– Да! – рявкаю негромко.

– Как обустроилась, любимая?

– Кирилл?!

Глава 11

Стоит смотреть кто звонит перед тем как отвечать.

– Как Сашка? – Кирилл знает, что спросить и, скрипя зубами, я иду на кухню.

Восемь квадратных метров не освещаются даже фонарём – как часто бывает, у него не хватает главного – лампы.

– Хорошо, посмотрелся мультиков и уснул, – я с ногами устраиваюсь на широком подоконнике.

Ещё пару лет назад он был заставлен цветами – в то время, когда мама была жива. На другом конце трубки тишина.

– Я люблю тебя! – ему не нравится моя откровенно издевательская усмешка.

– Перешёл к тяжёлой артиллерии? – перед подъездом паркуется чёрный Крузер, не новый, но даже отсюда видно, что ухоженный.

Кирилл раздражённо выдыхает. Удивительно, как мы срослись за это время – я знаю всё, что он сделает и что скажет. Даже представляю выражение его лица.

– Перестань быть такой острой! – острая, дикая, колючая и даже грубая. Всё это про меня и именно это и привлекло его в тот вечер. – Отзови иск.

– Нет.

– Кира, – бьюсь об заклад, он собирается сказать что-то насчёт моей глупости и упёртости, но вовремя затыкается. Меня Кирилл изучил не хуже, чем я его. – Я буду настаивать на сохранении брака, – наконец, сообщает он. Ничего другого я и не ожидала, – ты не отделаешься одним заседанием!

– Кирилл Самсонов в своём репертуаре! – заговорившись, я пропускаю кто вышел из машины и куда пошёл. – На что ты надеешься? Я не изменю намерений.

– Горячка – твой бич! – с той стороны слышится стеклянный дзынь.

Уверена, он сидит сейчас на балконе, с любимым коньяком в пузатом бокале, в одних потёртых джинсах и с устремлённым в никуда взглядом. Пронзительный укол в сердце и я откидываю голову на стену, не позволяя слезам скатиться по щекам. Мы часто сидели так вместе – каждый в своём кресле или я на его коленях – и говорили, говорили, говорили... Всё начало рушиться ещё до Сашкиного рождения.

– Ты всегда была такой, – меньше всего мне нужна ностальгическая хрипотца в тихом голосе, – резкой и неуправляемой, но я вовремя тормозил твои порывы, – слёзы всё-таки прочерчивают две влажные дорожки по щекам, голосу я не доверяю. – Ты же моя пантера, Кир! Вся, от светлой макушки до ямки на ногте среднего пальца левой ноги!

– А Меркулова тогда кто? – шёпот маскирует слёзы. – Мне не нужны твои признания, знаю и так, что она не первая твоя подстилка, – вспомнив сцену в номере, я повышаю голос. – Но кто стал первой? Твоя Инночка подсуежилась, пока я полгода дохла от токсикоза и ещё три на сохранении? Или ты нашёл себе кого попроще? – я догадливо ахаю. – А может всё началось ещё тогда, со смазливой дочки Ивана Аркадьевича?

– Бред твоего воспалённого сознания! – жёстко отзывается он, но я словно сижу рядом и вижу как нервно Кирилл глотает коньяк, и как дёргается рука за пачкой сигарет, которой не было уже как три года.

– Значит, всё-таки дочка, – лучше бы я встретила Хоффмана на пару лет раньше. Розовые очки разбились, но раны от осколков ещё долго будут отравлять мне жизнь.

– Как ты узнала про Ли... Меркулову?

– Мир не без добрых людей, – оговорка впилась очередной длинной иглой в сердце. Самое время сравнить Кирилла и Хоффмана, но я молчу, не в силах объяснить это даже себе.

– Тот сопляк... – с особым удовлетворением протягивает он, – побочная Ипатьевская ветвь, – и столько презрения в голосе, что я не могу удержаться.

– О чём ты?

– Так ты не в курсе с кем спишь? – тихий издевательский смешок действует не хуже пощёчины. – Хоффман – фамилия матери, по отцу щенок – Ипатьев.

– Ему двадцать восемь, – напоминаю я, забыв про слёзы.

Ипатьев... Что-то такое мелькает на границе сознания, но мысль не даётся в руки. Где же я это слышала?

– Спроси у любовничка, – Кирилл ловит волну, возвращая разговору нужный тон. – Под ним ты стонешь также громко, а, Кира?

– Самсонов, – я возвращаюсь в реальность, – ты предал меня! – в трубке стало тихо. – Выбросил на помойку моё достоинство и будущее нашей семьи. Наплевал на всё, что между нами было! – перед глазами экстаз Меркуловой и горечь в моих словах становится вязкой, ощутимой даже на том конце провода. – А я ведь хотела родить тебе ребёнка... – его судорожный вздох и мой жалящий ответ. – Как хорошо, Самсонов, что таблетки закончатся только завтра! Я скуплю все пачки в городе и больше не позволю никому залезть ко мне в душу! Спасибо, ты многому меня научил!

– Кира, – я словно наяву вижу, как он потерянно запускает руку в волосы, – прости меня, родная! – всего лишь шёпот, но я срываюсь и он слышит судорожный вздох. – Любимая, единственная моя, скажи, что ты хочешь и я всё сделаю! Переверну мир только бы ты меня простила! Жизнью клянусь, Кирёнок! Кир! Кира, ты плачешь?! – он видел мои слёзы лишь раз – когда умерла мама, и мне бы съязвить, уколоть больнее, но горло сдавливает спазмом и всё, что я могу – делать глубокие вдохи в попытках взять себя в руки. – Я сейчас приеду, слышишь, Кира? Умоляю, не плачь! Родная, я сдохну, но сделаю всё, чтобы ты была счастлива! Пожалуйста, потерпи всего пятнадцать минут! – его Вольво мог преодолеть ночной город за это время, но Кирилл ошибается.

Уже двое суток как он перестал быть частью моей жизни.

– Иди к демонам, Самсонов! – отчётливо выговариваю я и бросаю сотовый на стол, но предаться унынию просто не успеваю – трель непрекращающегося вызова ввинчивается в мозг.

Режим «Не беспокоить» оказывается очень кстати.

И я без сил сползаю по стене между стулом и батареей. Господи, когда это закончится? Когда воспоминания перестанут рвать душу? Я же выморозила их все. Разбила ледяные картины возможного счастья, безжалостно разодрав и выкинув из памяти портрет светловолосой девочки с серыми, как у папы, глазами. Дочери, которой у меня не будет.

Экран сотового продолжает светиться – Кирилл серьёзно надеется, что я возьму трубку? Сюда он не поедет. Ключей у него нет, дверь я не открою, а мучить дверной звонок он не станет, боясь разбудить сына. Но ничто не мешает ему встретить меня у института или ещё где-то, где я бываю регулярно по одним и тем же дням. Его секретарше прекрасно известно моё расписание. А, значит, все поездки сводятся к посещению Михаила Германовича и учёбы.

Остаётся надеяться, что наш разговор достаточно выбил его из колеи, чтобы Самсонов затих хотя бы на несколько дней.

Сидеть и дальше бессмысленное занятие, но почему-то мне так легче. Вот бы мама была жива! Зав. кафедры филологии в том же университете, где я учусь, она бы не одобрила развод. Всеми силами старалась нас помирить и переживала.

Каждое мгновение беспокоилась обо мне, Сашке и ставшем родным Кирилле... К лучшему, что она не застала меня в таком состоянии! Плохо, когда вся жизнь летит к чертям, но ещё хуже видеть страдания своего ребёнка и быть не в силах помочь. А мне поможет только время.

Кажется, Самсонов, наконец, уgomонился и я рискую стянуть со стола телефон – вставать не хочется. Сорок три пропущенных. Надо же, совсем чуть-чуть не дошёл до ровного числа! Руша все мои надежды, сотовый вспыхивает на мгновение сообщением с незнакомого номера. Кирилл идёт другим путём? Может и так, но я всё равно не могу удержаться, снимаю блокировку и тупо смотрю в экран. Оказывается, их два.

«Я всегда добиваюсь желаемого и ты станешь моей. Обещаю!»

Незнакомый номер и Хоффман. Без вариантов.

«Я добьюсь твоего прощенья, чего бы это не стоило!»

Самсонов никогда не признавал поражений. Даже в Монополии.

Чтоб вы оба сдохли!

Глава 12

Утро началось с жалобного: «Ма-ам» вместо поцелуев и прыжков по моему животу.

– Саша? – со сна не понимаю в чём дело.

– Писить! – трагическим шёпотом с большими глазами признаётся сын и я подскакиваю, забыв, что вместо обычной кровати здесь он спит в детской с высокими бортами.

– Идём, мой хороший, – спускаю его на пол и мы за руку идём в туалет, чтобы вернуться в мою кровать.

Сашка играть, я досыпать, насколько это возможно, когда по соседству скачет маленький миленький слоник.

Стены здесь – тончайшие, поэтому мы хорошо слышим, как в замке поворачивается ключ и открывается входная дверь.

– Деда! – визжит мне на ухо Сашка, сползает с раскинутого дивана и я слышу топот, логично завершающийся радостным приветствием.

– Сашка! – папин голос из коридора всё же приглушен и я жду, пока они дойдут до меня, но глаза слипаются против моей воли и я проваливаюсь в темноту.

– Кир, ты всё ещё спишь?

– Встаю, пап, – вздохнув, я переворачиваюсь на другой бок.

– Кира! – раздаётся гораздо ближе.

– Может, я не пойду сегодня в школу? – сажусь на постели с закрытыми глазами.

– Какую школу, Кир, – хмыкает он, одновременно с радостным криком Сашки.

Кирилл. Меркулова. Развод. Родительский дом.

– Проснулась? – улыбается папа, когда я открываю глаза. Почти как раньше. Сашка устроивается у меня под боком.

Шторы уже не могут сдержать яркий солнечный свет.

– Что за... – от сына пахнет курицей и домашней лапшой. Они обедали?! – Сколько время?!

– Почти полдень.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Я всё проспала!

– Пап, посмотри за Сашкой! – кричу на бегу.

Пока чищу зубы, смотрю пропущенные и стон выражает всё, что я о себе думаю. Михаил Германович звонил трижды! На кухонном столе тарелка с недоеденные супом и следами весёлого обеда – одинокая макаронина прилипла к обоям на уровне спинки стула.

– Добрый день. Приёмная Хейфец Михаила Германовича. Чем я могу вам помочь? – меньше всего я ожидаю, что голос у молчаливой секретарши окажется низким, с сексуальной хрипотцой.

– Здравствуйте! – чайник плюхается на плиту, громко звякнув. – Меня зовут Кира Самсонова, мне было назначено на десять часов...

– Да, Кира Игоревна, Михаил Германович не смог до вас дозвониться, – ещё бы он смог, телефон так и работал в режиме «Не беспокоить», – но просил сразу связать вас с ним. Одну минуту, – в трубке играет скрипка и мелодия из «Шерлока Холмса» – его любимого фильма. – Соединяю.

– Спасибо!

– Кирочка?

– Михаил Германович, простите ради Бога! – винюсь я под вопросительным взглядом заходящего в кухню папы. – Честное слово, со мной такое впервые! – я прислоняюсь к кухон-

ном гарнитуру, пока папа убирает со стола. – Можно я сегодня подъеду? В любое время. Когда вам удобно?

– Давай-ка так, – в трубке слышится шорох бумажных страниц, – у меня сегодня всё забито, в том числе и обед, – он хмыкает, заставив вспомнить с каким удовольствием они с папой жарили шашлыки на нашей даче, – поэтому приезжай в шесть. Я тебя встречу и поговорим.

– Я буду, спасибо вам большое!

– До вечера!

– Кира? – папа сидит на деревянном стуле и пристально наблюдает как я беру кружку и достаю сахарницу.

– Да? – чайник, наконец, вскипает, и я заливаю растворимый кофе шипящим в носике кипятком.

– Ты уверена в том, что делаешь? – я тяну время, устраиваясь напротив него. – В разводе всегда виноваты двое...

– Считаешь, надо было к ним присоединиться?! – срываюсь и папа морщится. – Извини! – кофе обжигает нёбо и язык, и я дышу с открытым ртом.

– А Сашка как? – он сцепляет пальцы перед собой. – Что ты скажешь ему?

– Ему трёх нет, – ещё один глоток, – вряд ли с этим возникнут проблемы.

– Ты всё решила, – констатация факта.

– Да.

Поджатые губы, собравшиеся около глаз морщины и постукивание пальцем по ладони – папа недоволен. Настолько, что хочет высказаться, но сжимает зубы. Знает меня, как и то, что в нотациях нет смысла.

Пожить здесь уже не кажется такой хорошей идеей, ведь с отцом мы перестали ладить с тех пор, как вместо поступления в институт я вышла замуж. За того, против кого он категорически возражал и, как показало время, не зря.

– Хорошо, – медленно произносит папа, а я в который раз не понимаю, как у нас сквозь интеллигентных родителей выросло такое чудо, как я, – что ты намерена делать?

– Михаил Германович нас разведёт, – имя приятеля в этом контексте ему тоже не нравится, – мы общались в субботу, – из гостиной раздаётся довольный Сашкин смех. Машинка из Киндера весело скатывается со спинки кресла. – Не переживай, мы не задержимся надолго, мне потребуется не больше недели чтобы найти новое жильё, – и папа ожидаемо взрывается.

– Разве я тебя выгоняю?! – он привстаёт, опираясь ладонями о стол. – Ты – моя дочь, а это, – он обводит рукой кухню, – твой дом! Чтобы ты не воображала себе все эти годы!

– Я ничего не воображаю, пап, – мой усталый вид заметно сбавляет обороты его недовольства, – просто сейчас... всё сложно.

Наши объяснения прерываются громким Сашкиным плачем – машина упала между креслом и стеной, и мы идём в гостиную, молчаливо решая продолжить разговор позже. Но позже не получается – сын капризничает, отказываясь ложиться спать, и до самого вечера мы не можем отвлечься ни на что другое.

– Пап, мне надо ехать! – во время короткой передышки, пока Сашка увлечён рисованием, тихо сообщаю папе и вижу, как он машет мне из-за его спины.

Все мои сборы – несколько звонков и уже через пару минут я тихо прикрываю за собой дверь, скривившись, когда слишком громко щёлкает замок. И действительно спешу, потому что извиняюсь, не оборачиваясь, когда сталкиваюсь с кем-то прямо в подъездных дверях. Ауди отзывается утробным рычанием и я выезжаю из двора под недовольные взгляды всё тех же старушек.

Неужели не узнали меня? Или как раз наоборот, а теперь гадают чем я заработала на новенький внедорожник? В общем-то их предположения не лишены смысла, тем самым и заработала, и злая усмешка касается моих губ.

К офису Михаила Германовича я подъезжаю, когда часы показывают пять минут седьмого, и, подхватив с сиденья пакеты, избегаю по трём мраморным ступеням, огороженный витым кованым ограждением.

– Мы закрыты, – сообщает поднявшийся при моём появлении охранник.

– Я к Михаилу Германовичу, мне назначено, – бросаю мельком и он молча пропускает меня дальше, к следующей лестнице.

С первого своего появления здесь офис ассоциировался у меня с ЗАГСом – тот же светлый мрамор с бежевыми разводами, позолота почти везде, разного размера растения и уютные кресла и диваны. Секретарши с сексуальным голосом нет на месте и я прохожу дальше, шурша пакетами любимого ресторана Михаила Германовича.

Он стоит ко мне спиной, в руке телефон, но поворачивается на звук открываемой двери и приветливо кивает, махнув в сторону знакомого кресла.

– Нет, – голос такой, словно ему всё по плечу, – нет, не переживайте. Бросьте, Алексей Иванович! Это всё домыслы, не подкреплённые никакими вещественными доказательствами, – у меня есть пара минут и я распоряжаюсь ими, накрывая ужин. Уверена, Михаил Германович так и не вышел сегодня из офиса. – Хорошо, обещаю, я всё проверю. И конечно сразу свяжусь с вами! Да. И вам всего хорошего! – он поворачивается и потрясённо разводит руками, увидев преобразившийся стол. – Кирочка! – глаза лучатся и в целом видно, что мне удаётся угодить.

– Это в качестве извинений, – улыбаюсь и жестом предлагаю садиться. – Мне всё ещё неудобно, что я так вас подвела! Честное слово, со мной такое редкость.

Мы располагаемся друг напротив друга, и если у Михаила Германовича стейк с соусом Дор Блю, салат гриль и апельсиновый тарт, то я обхожусь латте на вынос.

– Ох, Кира! – он с неприкрытым удовольствием кладёт в рот первый кусочек мяса, ещё тёплого, мгновенно заполнившего кабинет узнаваемым ароматом молочной кислинки. – Я развёл, кажется, уже тысячи пар, но только несколько заставляли меня искренне сожалеть о происходящем и твой случай один из них, – его сочувствие проходит ножом по сердцу.

Вот бы рассказать всё, поделиться накипевшим, ощутить поддержку и участие старшего, но я делаю глоток и с лёгкой полуулыбкой смотрю на Михаила Германовича.

– Спасибо, но у меня нет выбора.

– Не сошлись характерами? – иронизирует он и я насмешливо усмехаюсь.

– Что-то вроде, – привычно подхватываю лёгкий тон, но мы оба прекрасно понимаем, что всё это вершина айсберга.

Глава 13

Пока Михаил Германович ужинает, я не отвожу взгляда от карты на стене. Нечто подобное я собиралась повесить в детской у Сашки, когда он чуть-чуть подрастёт, чтобы он сам отмечал посещённые страны, открывал новые горизонты, да и просто нравилась она мне. Как и массивная мебель из тёмного дерева, светлая кожа кресел и огромные окна, выходящие на оживлённый проспект. Атмосфера кабинета дышит строгостью и стилем.

– Как здоровье Амиры Рафаиловны? – спрашиваю, как только Михаил Германович переходит к кофе.

– Страдает, – улыбается он. – Иван в разъездах, Томочка за городом с детьми, а ей скучно. Завтра собираюсь отправить её к ним, и Тамаре легче, и Амира с внуками наводится.

– Это замечательно, – кофе в бумажном стаканчике остывает, и снова леденеют ладони.

– А как Игорь, Кир? – внимательный взгляд заставляет меня улыбнуться. – Он знает о вас?

– Мы с Сашкой сейчас живём у него, – поясняю, и Михаил Германович одобрительно кивает.

– Ну хорошо, – он сдвигает контейнеры на край стола, – начнём с оформления доверенности. Ты же не хочешь кататься сюда ради каждой бумажки?

Я практически ничего не понимаю в юриспруденции, но Михаил Германович объясняет всё чётко и понятно, и мы обсуждаем каждый пункт из его длинного списка. Вплоть до того, в чём я должна буду прийти на заседание, и какую сделать причёску...

Только через два часа я киваю на прощание охраннику и сбегая с крыльца. На парковке только одна машина, Михаил Германович отдал свою в сервис, а основной офисный планктон уже разъехался, благополучно закончив очередной рабочий день. Рядом притормаживает чёрное Вольво, и сердце противно замирает, но машина проезжает дальше и сворачивает на светофоре. Я выдыхаю сквозь зубы, дрожащими руками открывая водительскую дверь.

Не помешал бы крепкий алкоголь, но, во-первых, такими темпами я сопьюсь, а во-вторых, нет никакого удовольствия цедить коктейль под неодобрительным родительским взглядом. Поэтому я возвращаюсь. И нервно дёргаюсь, заехав во двор.

Не секрет, что при встрече с хищником нельзя совершать резких движений, так что я плавно паркуюсь прямо за чёрным Вольво, прислонясь к которому стоит тот, кто для меня опаснее всех хищников вместе взятых. Кирилл наблюдает за мной через лобовое стекло, пока я ищу выход из положения. Развернуться и уехать? И показать, что я его боюсь?! Чёрта с два!

– Что ты здесь делаешь?

Мой внедорожник, корабль Самсонова и чёрный Крузер сокращают парковочные места во дворе практически вдвое. Старушки на своём посту, жадно впитывают каждый наш жест, и ко мне запоздало приходит мысль, что папе не понравятся появившиеся после этого слухи.

– Приехал к Сашке, – он отталкивается от машины и подходит ко мне.

Вместо костюма на нём поло и джинсы. Неужели Самсонов забросил работу только чтобы довести меня до истерики своими визитами?

– Тебе прекрасно известно, что он уже спит, – на часах начало десятого.

Шаг назад делаю непроизвольно, когда Самсонов решает приблизиться.

– То, что ты вчера... – он обрывает сам себя. – Почему ты не даёшь мне даже шанса?!

– Хватит, Самсонов! – не остаётся сил обсуждать одно и то же по десятому кругу. – Мне действительно это надоело!

– Кирёнок!..

– Ещё шаг и я уйду! – предупреждаю его, и Самсонов отходит, засунув руки в карманы. – Хочешь знать почему? Потому что я предупреждала тебя! Потому что ты мне врал и продолжаешь это делать! Потому что предательство – самое страшное, что может произойти в браке!

– А как же умение прощать? – раздражённо выдыхает он.

Да, отвык Самсонов оправдываться. И то, что его усилия не дают никакого результата, приводит его в бешенство.

– Я простила Меркулову, – он вскидывается в ответ на мою улыбку, – почти простила. В конце концов, мне ли не знать как сложно устоять под твоим напором.

– И щенка простила? – его самого передёргивает от вопроса, но тёмные глаза не отпускают моё лицо.

– Прекращай его так называть, – неприязненно морщусь в ответ.

Пусть Хоффман далеко не идеал, но может обыграть любого, не хуже самого Самсонова. И презрительная кличка режет слух.

– Защищаешь любовничка? – не могу понять чего в нём больше – горечи или ярости.

С пониманием у меня сейчас вообще туго – каждый ответ я пропускаю через десятки фильтров, стараясь держаться нейтрально. Зря сюда приехала, очень зря! Надо было хватать Сашку, брать билет на самолёт и бежать из города. Подальше от Самсонова, Хоффмана и грядущих неприятностей! И пусть я винила бы себя за трусость, зато смогла бы собраться, успокоиться и выработать хоть какую-то тактику в общении со всеми ними.

– Кира! – протяжный шёпот и Самсонов плюёт на условности.

Он крепко обнимает меня за талию, рукой зарывается в волосы и касается лбом моего лба. Рваный вдох. Понимание того, что ему хреново так же, как и мне, отдаёт садистским удовлетворением.

– Не могу, родная! – тихий голос звучит обречённо. – Не могу отпустить! Подыхаю от одной мысли, что тебя касается кто-то другой! Не могу работать! Не могу думать ни о чём, кроме тебя! Твои губы, твои руки...

Перетерпеть. Просто подождать, пока Кирилл выскажется. Я почти не слушаю, напевая про себя дурацкую песенку. Почти. Но его слова пробиваются через все заслоны, реагируя одинокой скатившейся по щеке слезой. Чёртовы нервы! За последние пару суток я пролила слёз больше, чем за всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.